

Блок 9

Сегодня. - 1994. - 26 нояб. - С. 12.

Наталья Тенякова: я совсем не сильная

Татьяна Рассказова

— Когда Эрасту Гарину сказали, что к нему за кулисы идет Станиславский, он с перепугу забрался под диван. С вами что-нибудь подобное случалось? Правда, критики пишут о вашем художественном бесстрашии, так что можно предположить, что вы и вне сцены никогда никого не боялись, ни перед кем не благоговели...

— Что вы, совсем это не так. Я очень боялась Товстоногова — и боялась, и благоговела. Так же, как благоговела перед всеми Бэ-ДэТэвскими партнерами. Я вообще трусиха. Когда поступала в театральное, меня на третьем туре попросили еще раз прочитать басню. Я прочла первую строчку, а остальное забыла; естественно, в слезы: теперь не примут! А мой гениальный преподаватель Зон потом объяснил: «Дурочка, я хотел комиссию показать, как мило можно читать басни. А ты меня так подвела».

Нет, я от страха не то что под диван — в окошко могу выскокить, как Подколесин. Да даже и когда хвалят — вместо того чтоб блаженствовать умираю от смущения.

— Скажите, как любимый учитель воспринимал вашу индивидуальность: он считал вас героиней?

— Нет, не думаю. Скорее характерной актрисой. Кем я в общем-то и являюсь. Меня, надо сказать, всегда тянуло на возрастные роли.

— Да уж, вы что-то преждевременно к ним пристрастились. Достаточно вспомнить колоритнейшую старушку в давнишнем уже фильме «Любовь и голуби». Чистый бенефис, именины сердца.

— О, вы даже не подозреваете, насколько раньше это началось. Ни много ни мало семнадцать лет от роду я уже подумывала о Гурмыжской, даже приготовила кусочек, чтобы показать опять-таки Зону. Он посмотрел и говорит: «Наташенька, ты, конечно, будешь ее играть. Но лет через сорок. А сейчас у тебя шейка еще очень тоненькая».

— Наталья Максимовна, расскажите, с режиссерами какого типа вам приходилось в жизни сталкиваться? Может, вы и собственную классификацию составили? Например, режиссер-плаггиатор: сводит воедино актерские наработ-

нер, отчаявшись достать билет, устроилась в театр уборщицей только затем, чтобы его посмотреть, стоя с ведром в кулисе, и на следующий день уволиться.

А когда его возобновили, Смоктуновский потряс меня снова — на этот раз еще и как идеальный партнер. Мало того, что он играл гениально — он при этом не выпускал меня из поля зрения, потому что чувствовал, как меня колотит, как нуждаюсь в поддержке; да просто-напросто мои передвижения по сцене нужно было направлять. И он сделал все, чтобы помочь. Никогда не забуду тех ощущений, после спектакля я — клянусь! — потеряла сознание.

— А вообще проблема партнерской совместимости для вас актуальна? Есть ли, например, актеры, с которыми вам трудно сосуществовать на сцене?

— Есть, но я не буду их называть.

— Объясните хотя бы, в чем суть этой несовместимости: человек вам неприятен сам по себе или вас не удовлетворяют его профессиональные качества?

— Профессиональные качества. И потом, сказывается несовпадение полей, наверняка. Или разные представления о профессии, о том, что актер обязан делать на сцене.

— А ЧТО он обязан делать на сцене?

— Разумеется, играть, создавать образ. И при этом ни в коем случае не заботиться о себе, не думать о том, чтоб понравиться, угодить — будь то зрителю, будь то критику.

— А в партнерстве с Барышниковым, которого Юрский занял в «Фиесте», где вы играли Брет Эшли, проблема несовместимости не возникала? С ним было приятно работать?

— Ой, конечно. Гениальным танцовщиком он был всегда, с самого начала, а как драматический актер тогда себя только еще пробовал. И пробовал интересно. А уж как работал «на своем поле», что делал при помощи пластики — говорить не приходится. Когда он показал тот невероятный проход со шляпой, мы все просто замерли.

— Кому пришло в голову его пригласить?

— Это была моя идея. Мы с Мишей тогда уже дружили. И он с

эмоциональной точности сцена. Панька, которую вы играли, услышав за закрытой дверью, в комнате соседки, где никого нет, но работает радио, сообщение об окончании войны, начинает стучать, испуганно ломиться в эту дверь, царапать ее, пытаясь открыть и убедиться, что расслышала правильно. Автор этого решения — вы сами или Яновская?

— Оно родилось на репетиции. А вообще я эту роль сыграла случайно. Мы тогда только что выпустили «Гедду Габлер», и я так устала, что казалось, сил уже больше ни на что не хватит. Но Яновская настаивала, твердила, что я ей необходима. Это была адская работа, самый тяжелый спектакль из всех, что я сыграла. Мы так выматывались, как будто действительно проживали ту страшную военную коммунальную жизнь.

А с дверью — ну как? — таков характер Паньки. Если ей нужно услышать это проклятое радио, а дверь закрыта, значит надо ее вышибить.

— Есть ли в вашей собственной жизни, говоря метафорически, некая дверь, в которой вы постоянно пытаетесь пролезть до же самое?

— Это моя лень. Вот когда я чем-то увлекаюсь — новой ли ролью или пусть даже всего лишь приготовлением салата, — тогда вышибить ее удается.

— В таком случае, может быть, из-за лени вы и играть-то не любите?

— Да теперь уж особенно-то и нет.

— Наступило пресыщение?

— Угу.

— А может, все-таки что-то произошло с акустикой? Или с аудиторией?

— Просто не так уж давно в моей жизни был момент, когда я почувствовала, что театр вообще не нужен. Наступила какая-то апатия. И, возможно, не у одной меня, а у многих актеров и зрителей. Я тогда подумала: Боже, зачем я вообще этим занимаюсь? А в нашей профессии необходимо сознание бесполезности собственных усилий, скажем так. Иначе это не профессия. Просто кризис.

— Когда вас занимает в своих спектаклях Юрский, вам не мешает, что он ваш муж?

— Это как раз оптимальный вариант, мы так хорошо друг друга знаем, что он может уже даже не объяснять мне чего хочет, я и так его понимаю.

— Чтобы вам понравиться, нужно было обладать в первую очередь незаурядным интеллектом? Или на вас действовал его талант актера? Если вопрос не покажется слишком бесцеремонным, скажите, почему в свое время вы влюбились именно в Юрского?

— Он был тогда кумиром города — настоящим интеллектуальным кумиром. Выше не было. Я влюбилась мгновенно, даже не успела сообразить почему. Как только поздоровались — тут же и влюбилась.

— Он заметил?

— Со временем выяснилось, что да.

— Похоже, что у вас сильный, энергичный характер. А при каких обстоятельствах вы в последнее время чувствовали себя беспомощной? (Если такое бывало.)

— Ой, да мне в любом магазине могут так нахамить, что буду рыдать неделю. Я совсем не сильная: Рак по Зодиаку. Это эмоции у меня бывают сильными, а характер — вовсе нет.

— Вам в самом деле приходится ходить по магазинам?

— Конечно. То есть мы все ходим, я в том числе. Сейчас хоть полегче стало: в очередях не стоишь между репетицией и спектаклем.

— «Слава Богу, что миновала меня чаша сия», — говорит ваша Лидя поступившей в актрисы старшей сестре в одноименном фильме. Бывало ли, чтоб вы пожалели, что вас — не миновала?

— Ну, знаете, минуты боли, отчаянья случаются у многих. Но я понимаю, что все это было мне предначертано, что эта судьба — моя, что я ее угадала. И обязана как можно достойнее ее проживать. Только и всего.

— Что вы думаете о собственных перспективах? Буквально на днях сыграли премьеру «Нового американца» по Довлатову во МХАТе. Что дальше?

— Я ничего не знаю о перспективах. Просто жду. Всегда все важное происходит как-то вдруг. Те же «Стулья» мы хотели сыграть еще лет двадцать пять назад. Хотели — и не могли. Казалось, никогда этому и не бывать, потому что Ионеску — под запретом. А вот ведь случилось — в прошлом сезоне выпустили спектакль. И мы счастливы.

— Скажите, какова была самая трогательная, забавная или неожиданная рецензия на вашу работу?

— Забавное — масса. А больше всего мне понравилось начало статьи ленинградки Тани Золотницкой: «Тенякову любят не все». Я даже дальше читать не стала. В самом деле, предвзвешено — если бы меня любили все! Вот был бы ужас-то! Это уже какая-то другая профессия.

СПРАВА — МИХАИЛ БАРЫШНИКОВ

ки; режиссер-аналитик; режиссер-шаман: накручивает себя до состояния экзальтации и сообщает эту взвинченность актеру...

— Ну уж нет, только не это. Я от природы смешливая, шаманства всерьез не воспринимаю.

Для меня вне конкуренции, конечно, остался Товстоногов. Это великий режиссер. Он так виртуозно строил спектакль, что тебе и делать-то ничего не нужно было. С женщинами-актрисами вообще мало работал. Если приносила что-то показать, он жадно присматривался к твоей придумке, начинал, что называется, мять, вертеть, пробовать на зуб, — то есть как-то от нее отталкиваться. Но если ничего не принесла — все. Ты не существуешь.

— Это значит «играй как хочешь — я не смотрю»? Или просто-напросто отстранял от роли?

— Отстранял моментально. Вы думаете, почему у него была такая отборная труппа? Все умели работать сами, актерам не были нужны ни шаманы, ни разминальщики.

— Появившись в театре Товстоногова, вы еще застали его знаменитого «Идиота» и даже успели сыграть в нем Аглаю...

— Правда, всего лишь четыре раза. Когда я пришла в БДТ, Смоктуновский уже работал в Москве, спектакль не шел, но вдруг о почему-то возобновили, а меня срочно ввели на эту роль. Настоятельно срочное, что было так: утром приехал Смоктуновский, а вечером мы уже играли на публике.

— Как по-вашему, то, что спектакль имел оглушительный успех и обрел таким количеством легенд, свидетельствует не о чем ином, кроме высококлассного профессионализма его создателей? Или в его воздействии все же было что-то необъяснимое, если не сверхъестественное?

— Когда еще подростком я его увидела, была совершенно потрясена. Как и все, впрочем. Вокруг этого спектакля происходили какие-то фантастические истории. Например, одна женщина-инже-

радостью согласился, даже принес матадорский костюм из «Дон-Кихота».

— Но почему «Фиеста» вышла не в БДТ, где Юрский поначалу ее готовил, а на телевидении?

— Я боюсь соврать, поскольку в БДТ тогда еще не работала, но, кажется, Товстоногов предъявил какие-то претензии, по-моему, попросил заменить некоторых актеров. Юрский не согласился.

— «Фиеста» считается романом о потерянном поколении. А до какой степени удалось реализовать поколению, к которому принадлежите вы?

— Да оно тоже абсолютно потерянное. За редкими исключениями. Мы же не шестидесятники, мы пришли позже. Причем мой ровесники в большинстве своем немножечко тёпы — всё ждали чего-то, гнили, до старости выходили в массовках. Как? Сменить профессию после того, что ты закончил театральный институт? Это казалось невыносимым.

Сейчас молодежь совсем другая. Да вот у нас же, во МХАТе, очень способная молодая актриса взяла и все бросила — ушла на телевидение, в музыкальную редакцию. Хочет делать свое дело. Молодые решительнее нас, они не хотят гробить жизнь, проводя ее в невнятном ожидании чего-то неопределенного.

— Насколько я понимаю, ваша судьба в БДТ сложилась удачно. А какой ценой дался переезд из Питера в Москву? Не возникло ли поначалу ощущение, что вы — как тарелка не от того сервиза?

— Да нет, мне как раз повезло, в Москве я сразу оказалась в кругу бывших питерцев. Скажем, первый спектакль — «Если буду жив...» — мы сделали с моим давним другом и партнером Сережей Коковкиным. Так что удалось адаптироваться без серьезных осложнений.

Хотя в момент переезда я думала, что жизнь моя кончена.

— В моссоветовском «Вдовьем парохоме» была замечательная по

МАСКА